

Москва
Эротический театр
Александра Демидова

НАШЕ чисто советское восприятие обнаженной натуры все эти годы сводилось к тому, что мы, время от времени, стыдясь и краснея, рассматривали на телеэкране статую Венеры Таврической в санкт-петербургском Эрмитаже. И набатом в ушах постоянно гремел голос революционно-го матроса: «У кого ейные руки найдем, обломаем ноги!» И от слов этих становилось как-то тепло на душе... Однако постараемся взглянуть на все это по-другому. Теперь ведь можно!..

Очаровательных девушек из Московского эротического театра Александра Демидова, почти обнаженных, в первый день пребывания в Кишиневе заставили выступать перед неискушенной подобного рода зрелищами публикой на арене цирка. Оригинальное, следует заметить, место для подмостков подписали актерам организаторы гастролей. Тут уж, как говорится, и не знаешь, как повернуться к зрителям, чтобы как-то попристойнее выглядеть. Ведь стоишь-то ты в кругу, спрятаться негде, со всех сторон на тебя устремлены тысячи пытливых глаз... Хотя, впрочем, участники труппы вовсе не из робкого десятка. И во всем, что они делают, пока больше смелости, нежели сценического мастерства. Но это, наверное, не так уж и плохо, особенно для людей начинающих...

На второй день «цирковая эпопея» наших героев закончилась. Им предложили играть в помещении Национального центра культуры и искусств (бывший зал «Дружба»). Здесь-то за десять минут до начала опередного

представления наш корреспондент встретился с художественным руководителем эротического театра ИРИНОЙ ГАВРИЛИНОЙ и взял у нее короткое интервью.

— Ирина, ваш коллектив, по всей видимости, рожден вторым этапом перестройки, когда многое, доселе запрещенное, стало вдруг доступно всем?

— Не угадали. Мы значительно старше. Нам в этом году исполнилось десять лет.

— И что, все эти годы вы выступали в таком, с позволения сказать, облегченном виде?

— Ну что вы? В годы застоя мы вели себя вполне пристойно. Были одеты, что называется, под горлышко. Хотя эротическая направленность театра всегда была неизменна. Мы играли пьесы Уильяма Шекспира, Альфреда де Мюссе, Мориса Метерлинка. Словом, мы были очень серьезны, и строгим цензорам просто было невдомек, что в нашем творчестве может скрываться какая-нибудь крамола. А три года назад, как вы фигурально выразились, с началом второго этапа перестройки, мы сбросили с себя свои одеяния, и сегодня предстаем перед зрителем в «костюме Адама и Евы» или в чем-то близком к нему.

— То есть, вы хотите сказать, что если «король Лир» будет поставлен в вашем театре, то сам король обязательно будет голым?

— Что-то в этом роде. Но, по всей видимости, как только вы разделитесь, то у вас сразу появилась куча «доброжелателей», активно выражающих недовольство по этому поводу.

— Я этого как-то не замечала. Однако, могу предположить, что далеко не всем то, что мы делаем, по душе. Хочу заверить этих людей, у нас здесь не бордель, и с нравственностью все в порядке. Актеры, а их в труппе 12 человек, во многом се-

VIVAT, ГОЛЫЙ КОРОЛЬ!

бе отказывают. И те, кто стремится обвинить нас в «узаконенном разврате», по меньшей мере ничего в этом не смыслят. Для нас нагота на сцене — это, если хотите, полная внутренняя свобода, раскрепощенность и не более того.

— За три года вам часто приходилось гастролировать?

— Мы уже побывали в двадцати крупнейших городах страны.

— И везде вас встречали «на ура»?

— Во всяком случае на недостаток внимания сетовать не приходилось.

— А как же пресловутая местная партийная номенклатура? Не ставила ли она «палки в колеса» в ходе ваших турне? Ведь она по-прежнему во всю старается иметь монополию не только на власть, но и на нравственность.

— Давление партократии мы на себе как-то не ощущали. А в Ленинграде получилось даже наоборот. После того, как у нас на спектакле побывали ответственные работники обкома, наша популярность так возросла, что нам пришлось увеличить число спектаклей вдвое.

— А в Кишиневе, я вижу, у вас со зрителем «напряженка». Представление вот-вот начнется, а зал едва заполнен на треть. Вас это не смущает?

— Да, аншлаги, как это было в некоторых других городах, нет. Думаю, тут дело не в высокой стоимости биле-

тов. Наверное, не сработала реклама. Но коллектив это несколько не угнетает. Придут на спектакль десять зрителей, и для них мы будем играть столь же вдохновенно, как и для многотысячной аудитории.

— А что вы привезли нашему зрителю?

— Три новых работы, рассчитанных в основном на молодежь — спектакли «Мурка», «Детские игры» и «Андерграунд».

— Каков средний возраст актеров труппы?

— Я здесь самая старшая. Мне сегодня исполнилось 23 года. Остальным — девятнадцать-двадцать лет.

— Вы меня огоршили. Примите мои поздравления, и позвольте в связи с этим задать вам один «провокационный вопрос». Как откосятся родители столь юных и очаровательных созданий к увлечению своих чад?

— С полным пониманием. Они как раз считают, что их дети работают не в борделе, а в театре и занимаются очень серьезным делом. Во всяком случае, у меня, как художественного руководителя, с ними прекрасные отношения.

— Что-то гладко все у вас получается в разговоре. Вообще создается впечатление, что у вас в театре все в порядке, нет никаких проблем.

— Как, никаких проблем?!

А реквизит? Где, например, достать экипировку для актеров? Вы видели, какое белье продается в наших магазинах...

— Я себе представляю. — А я от этого просто страдаю. Приходится шить все самой. А где, скажите на милость, взять необходимые материалы? А вы говорите — никаких проблем!

— Чтоб это было самым большим вашим горем. Благодарю за интервью! Успехов в Новом году!

Интервью записал

А. НИКОЛАЕВ.

P. S.: Кстати, свой последний спектакль труппе вновь пришлось играть на арене цирка. Организаторы позаботились, чтобы жизнь актерам медом не казалась. Вот такой цирк у них был.

